

что итог финала слишком предсказуем. И так, «Силаев» – законченное произведение с точки зрения внутренней целостности.

«Старые голубки». Летом 1881 года в Спасском И.С. Тургенев изложил Я.П. Полонскому сюжеты двух повестей. Одна из повестей должна была называться «Старые голубки». Сам Тургенев хорошо обдумал замысел будущего произведения, поэтому нельзя сказать, что оно не закончено. В тексте отсутствует оборванность, сюжет становится очевидным, читатель может сам завершить произведение без участия автора.

Таким образом, незавершенные произведения и замыслы позволяют нам яснее представить историю создания опубликованных произведений, увидеть, как развивались эти замыслы и почему они воплотились или не воплотились в жизни, помогают нам лучше понять самого писателя как человека, как прозаика, философа, проникнуть во внутренний ход его мыслей, произведений и замыслов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Осьмакова Л.Н. Незавершенные произведения и неосуществленные замыслы И.С. Тургенева. Дисс/ на соиск. учен. степ. канд. филол. наук. М., 1967. С. 282.

2. Тургенев И.С. Полное собрание сочинений и писем: В 28-ми т. Соч. в 15-ти т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960–1968. С. 438.

*А.М. Щербакова (Россия, Самара)
Научный руководитель Н.Т. Рымарь*

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЯЗЫК АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА

Статья посвящена разбору особенностей языка повести «Котлован» А. Платонова. Автор создает свой уникальный язык, который является ключом к пониманию его художественного мира: Слово повествователя и героя говорит не столько о бытовом и обыденном, сколько передает напряженную работу мысли, прорывающей готовые мыслительные и грамматические модели и устремляющейся к истинам онтологического порядка. Гносеология и онтология в художественном мире Андрея Платонова неотделимы друг от друга и составляют суть «вещества существования» его героя. Показаны некоторые механизмы построения этого типа художественного высказывания.

Ключевые слова: А. Платонов, «Котлован», художественный язык XX века.

Литературный процесс конца 1920-х и начала 1930-х годов характеризуется крайней неоднородностью: писатели определяли цель художественного творчества абсолютно по-разному, отсюда такое множество стилей и форм.

И даже в этом потоке имя Андрея Платонова выделяется, его творчество открывает сознание человека, который находится в поисках основы для собственного существования. Этот поиск обнаруживается и на сюжетно-композиционном уровне (Вощев идет искать правду мира), и на уровне индивидуального языкового стиля автора. Действительность сознания героя в его произведениях не «отражается», но «реализуется» в языке, в специфичных для Платонова формах, теряя многие признаки реальности и обретая при этом новые свойства, принципиально невозможные в формах прагматически-бытового мышления.

Язык Платонова невероятно странен и сложен, чтобы понять его, надо вчитываться медленно и неторопливо, обдумывая смысл каждой фразы. Поначалу эта корявость, нескладность мешают прийти к пониманию текста. Однако именно в них сокрыто желание автора отойти от готовых моделей, в которых нет живой мысли, там лишь закреплено то, что не отражает движения жизни – сути бытия. Для Платонова важными оказываются гносеологические и онтологические проблемы, но только в их неразрывной связи. Жизнь понимается у него, прежде всего, как жизнь сознания, она возможна лишь в ситуации поиска и обретения истины. Итогового и неизменного знания получить невозможно, но само вдумывание в вещи, выискивание смыслов обеспечивает человеку онтологическую прочность мира.

Героев, думающих именно так, А. Платонов ставит в центр своих произведений. Так, фабульная организация повести «Котлован» (1929-1930) немногосложна: строительство дома, а затем эпизоды раскулачивания и переход к коллективному хозяйству. Но все события показаны с точки зрения думающего героя – Вощева. В такой архитектонике художественного произведения проявляется ощущение жизни того времени: нет ни одной «готовой», «однозначной» правды, все подвижно, а идеология государства навязывает свою истину, которая не проходит проверку жизнью. Крушение надежд, возложенных на обретение конечной опорной точки в истине социализма, терпит Вощев. Герой, попав на стройку, решает остаться там, он погружается в мир социалистических воззрений, к которым старается отнестись диалогически. Беззаветно принять их значит потерять свое «вещество существования» [1;с.398], над которым неустанно работает Вощев. Это «вещество» и есть само проявление жизни, оно разлито в вещах и предметах, постигая его, «работая над ним», т.е. вступая в диалог с каждым сущим в мире, возможно прийти к истине.

Платоновский мир полон языковых «странностей», но они обладают такой силой убеждения, что становятся в некотором роде нормой. Каждый шаг бытового существования наполняется работой сознания. Обыкновенные слова вступают в непривычные для них связи, здесь рождается новый смысл, который абсолютно не равен сумме рядом стоящих элементов: «*Некуда жить, вот и думаешь в голову*» [1;с.411]. Голова здесь оказывается вместилищем, сосудом, где обитает вещество мысли. Вещество самого существования оказывается мыслительным, разлитым в опредмеченных конкретных деталях.

Язык полон готовых форм создания мысли, что лишает саму жизнь основного свойства – факта постоянного становления. Все сказанное будет ожидаемым и очевидным, а повторение готовых истин никак не будет соответствовать реальной жизни, ведь только в переживании «сейчас», настоящего – человек обретает чувство сопричастности «веществу существования», по А. Платонову. Поэтому автор решает вывести язык из состояния замкнутости, расшатывает привычные модели и конструкции, чтобы показать такую художественную реальность, которая будет адекватна становящейся жизни. Чтобы сделать высказывание живым, новым и настоящим, Платонов использует следующие механизмы в достижении максимально «странного» слова. Во-первых, это намеренный плеоназм: *Вощев тоже начал **рыть** почву **вглубь***[1;с.401]; *Вощев поднял однажды мгновенно умершую в воздухе птицу, **навишу** вниз*[1;с.405]; *Он жил и глядел глазами лишь от того, что имел документы **середняка***[1;с.448]. Этот прием актуализирует в слове нечто древнее, утраченное в суматохе времен, оно вновь апеллирует не к бытовому, а к бытийному своему содержанию. Во-вторых, это синтаксическое стяжение. Оно у Платонова выглядит как замена описательных слов с обыкновенным бытовым наполнением более абстрактной структурой, имеющей обобщающий смысл: *но вскоре он почувствовал **сомнение в своей жизни и слабость тела без истины***[1;с.392]; *Вощев поглядел на инвалида; у того **надулось** лицо **безвыходной кровью**, он **простонал** звук и шевелил рукою в глубине кармана*[1;с.394]; *В начале осени Вощев **почувствовал долготу времени***[1;с.430]. Целая ситуация сворачивается в несколько слов, которые, однако, показывают, как глубоко чувствует герой другое сущее, он пытается принять его плоть и кровь, понять вещество существования каждого проявления жизни. В-третьих, это нарушение всех валентных связей слова, когда оно вступает во взаимодействие с непривычным для него компонентом фразы, в их соединении рождается новый смысл, который приписывает явлениям онтологическую наполненность. Второе слово часто носит абстрактную семантику вместо конкретной, которая привычна для данного высказывания: *Вощев захватил свой мешок и **отправился в ночь*** [1;с.389]; *Вощев добрел до пивной и **вошел** туда на **искренние человеческие голоса*** [1;с.389]; *Его пеший **путь** лежал **среди лета***[1; с. 391]; *Козлов **с видом ума** прошел на **поприще** строительства и стал на **краю** его*[1; с. 443]. Так достигается аутентичность художественного высказывания, с него снимаются все шаблоны и заданности, перед нами оказывается сам факт познания в обнаженной форме: восприятие, осмысление, а затем и понимание сути явления.

Ощутить живую жизнь в языке, через него актуализировать гносеологическую установку каждого человека на поиск истины как точку опоры стремится А. Платонов. Человек оказывается вброшен в мир с давно установившимся порядком, поэтому ощущение своей чуждости остальному сущему приходится преодолевать путем бесчисленных попыток понять суть окружающих вещей. По Платонову, через вчувствование в другое су-

щее, которое в акте познания предстает веществом, не имеющим четких границ, можно преодолеть границу отрешенности человека. Онтология и гносеология неразрывно связаны в художественном мире автора. Жить значит думать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Платонов А.П. Чевенгур. Котлован. Ювенильное море. Город Градов: Роман и повести. – Куйбышев: Кн. изд-во, 1990. 632 с.

*А.Е. Загайнова (Россия, Самара)
Научный руководитель Л.Г. Тютелова*

ОСОБЕННОСТИ ПУБЛИЦИСТИКИ М. ГОРЬКОГО НА ПРИМЕРЕ СТАТЬИ «НОВЫЙ ЧЕЛОВЕК»

В данной работе на основании материалов статьи «О новом человеке» рассматриваются особенности работы Горького-публициста в 30-е годы XX века, а также исследуется созданная писателем концепция «нового человека».

Ключевые слова: публицистика, «новый человек», Максим Горький, мещанство.

В русской литературе XX века Максим Горький занимает ключевое место как писатель-революционер. На рубеже XIX–XX веков он предлагает отечественному читателю нового героя, а авторам – новые способы его изображения. В 20-е начале 30-х годов Горький становится одним из главных деятелей, занимавшихся созданием всероссийской писательской организации. На протяжении всего творческого пути он убеждает своих коллег и публику в необходимости создания произведений для читателя нового времени и неустанно занимается обоснованием своей позиции. В связи с этим особенно интересно посмотреть на особенности работы Горького-публициста, позволяющие охарактеризовать представления автора о писателях 30-х годов, а также особенности горьковского стиля, в частности – специфику его приемов воздействия на читателя.

14 декабря 1935 года в газетах «Правда» и «Известия» была опубликована статья Горького под названием «Новый человек». Этому событию предшествовало Первое всесоюзное собрание стахановцев, где лидер нового государства говорил о природе стахановского движения, его целях и задачах. На писателя речь произвела неизгладимое впечатление, о чем и свидетельствует его работа «Новый человек».

Можно предположить, что Горькому казалось, что далеко не всякий может понять, о чем шла речь на собрании: «нельзя упрекать людей за то, что им трудно понять жизнь, тяжесть которой они не испытали» [1, с. 1]. Безусловно, по его словам, производственный смысл явления стахановцев понятен каждому.